

УЧИТЕЛЬСКАЯ ГАЗЕТА
г. Москва

18 МАР 1989

21 марта исполняется 150 лет со дня рождения
великого русского композитора
Модеста Петровича Мусоргского

К новым берегам

Осенью 1856 года в одном из военных госпиталей Петербурга встретились молодой врач, недавно окончивший академию, и семнадцатилетний прапорщик Преображенского полка. У них нашлась общая тема для разговора: оба интересовались музыкой. Так началась дружба будущих великих композиторов Александра Бородина и Модеста Мусоргского. Но ни тот, ни другой еще не думали, что музыка станет делом их жизни...

Много лет спустя, вспоминая об этой встрече, Бородин писал: «Мусоргский был в то время совсем мальчонком, очень изящным, точно нарисованным офицериком: мундирчик с иголочки в обтяжку; ножки вывороченные, волосы приглажены, припорожены; ногти точно выточенные, руки, выхоленные, совсем барские. Манеры изящные, аристократические; разговор такой же, немного сквозь зубы, пересыпанный французскими фразами...».

Через три года Бородин снова встретился с Мусоргским и был поражен происшедшей в нем переменой. Уже не осталось следа от прежнего фатовства и аристократизма; иными стали и музыкальные интересы. «Признаюсь, — замечает Бородин, — заявление его, что он хочет посвятить себя серьезной музыке, сначала было встречено мною с недоверием и показало маленьким хвастовством: внутренне я подсмеивался немножко над этим. Но, познакомившись с его «Скерцо», я задумался: «верить или не верить?»

К этому времени Мусоргский ушел с военной службы. Он сблизился с Милием Балакиревым, Владимиром Стасовым, бывавшим у Даргомыжского. Под влиянием друзей начал серьезно интересоваться литературой, философией, композиторской техникой. Пересматривал и свое отношение к жизни.

Уже в первых музыкальных произведениях Мусоргского ощущаются проблески могучего драматического дарования. Мужественная, благородная гражданская скорбь звучит в раннем романсе «Листья шумели уныло», на стихи А. Плещеева, посвященные памяти казненных декабристов.

Трагическую судьбу революционеров Мусоргский пытался раскрыть и в оставшейся неоконченной опере по роману Г. Флора «Саламбо» — на роль, казалось бы, далеком от публицистики сюжете. В некоторых сценах оперы использованы стихи А. Полежаева, лирика которого была связана с традициями декабристской поэзии, насыщена социальными мотивами.

...Шел январь 1861 года. Мусоргский гостил в Москве и, судя по его письмам, не спешил в Петербург. Это раздражало Балакирева. Ведь Мусоргский пропустил уже несколько собраний кружка, позже получившего название «Могучая кучка». В чем же причина затянувшейся отлучки Мусоргского? Ответ мы находим в письме от 13 января 1861 года, адресованном Балакиреву: «Я окружен здесь весьма приятными личностями, — пишет он, — все бывшие студенты, малые живые и дельные. По вечерам все ставим на ноги — и историю, и администрацию, и химию, и искусство — все, и приятно беседовать с ними... Эти люди составляют в Москве как бы отдельный кружок, —

впрочем, хорошие люди везде в стороне».

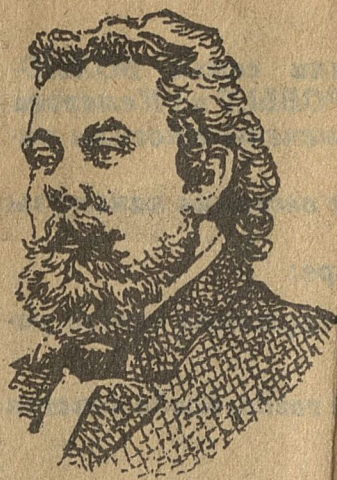
Общение с передовой молодежью, события 1861 года, всколыхнувшие страну, определили общественно — политические взгляды художника. Изменения произошли и в его личной жизни. Он отказался от наследства — имения отца, торопецкого помещика, а чтобы прокормиться, поступил на службу чиновником одного из петербургских департаментов.

Пробным камнем для мировоззрения Мусоргского стал роман Чернышевского «Что делать?». Композитор был так увлечен им, что организовал с несколькими товарищами «коммуну» — по примеру героев книги. «Три года, что прожили на новый лад эти молодые люди, — писал Стасов, — были, по их рассказам, одними из лучших на всю жизнь. Для Мусоргского — в особенности. Обмен мыслей, познаний, впечатлений от прочитанного накопили для него тот материал, которым он потом жил все остальные свои годы; в это же время укрепился навсегда тот светлый взгляд на «справедливое» и «несправедливое», на «хорошее» и «дурное», которому он никогда впоследствии не изменял».

Свою деятельность Мусоргский рассматривал как выполнение долга, а не как процесс свободного творчества по счастью вдохновения: «Жизнь, где бы ни сказались; правда, как бы ни была солона; смелая, искренняя речь к людям в упор — вот моя закваска, вот чего хочу и вот в чем боялся бы промахнуться...».

Жизнь подсказывала ему не только темы и образы. Основными источниками музыкального языка композитора были русские народные песни и живые интонации человеческой речи, помогавшие проникнуть в души людей: «...Звуки человеческой речи, как наружные проявления мысли и чувства, должны, без утрировки и насилования, сделаться музыкой правдивой, точной, но художественной, высокохудожественной», — считал композитор. В народном быту, народной поэзии старался композитор услышать интонации горя и радости, раздумья и веселья, проникнуть в сокровеннейшие тайники человеческого сердца.

Стасов видел однажды, как

рождались у Мусоргского песни «Светик Савишна»: «Он стоял раз у окна и поражен был тою суетой, которая происходила у него перед глазами. Несчастный юродивый объяснялся в любви с молодой бабенкой, ему нравившейся, умоляя ее, а сам себя стыдил, своего безобразия и несчастного положения... Мусоргский был глубоко поражен, тип и сцена сильно запали ему в душу, мгновенно явились своеобразные формы и звуки для потрясших его образов».

Не случайно некоторые свои песни (например, «Калистрат», «Сиротка», «Колыбельная Еремюшки», «Спи, усни, крестьянский сын», «Гопак» и другие) композитор определил как «народные картинки». Романами или даже песнями и нельзя было их назвать. Мусоргский создавал, по существу, новый, своеобразный вокальный жанр. Это песни — драматические монологии: песни-сцены, где выводились самые разнообразные жизненные типы, то трагические, то комические.

Одним из средств разоблачения общественных недугов была у Мусоргского сатира, суровая и острая. Вспомним хотя бы «Песню о блохе» или высмеивающую купеческие нравы в форме иронической сказки песню «Козел». Не пощадил Мусоргский и своих противников — музыкантов — консерваторов (памфлет «Раек», песня «Классик» и другие).

Вместе с тем он умел изображать и светлые стороны жизни. Глубоким душевным теплом, нежностью проникнут, например, вокальный цикл «Детская». Выдающийся французский композитор Клод Дебюсси писал: «Никто еще не обращался к лучшему в нас, к более нежному и глубокому чувству. Никогда еще более утонченная чувствительность не была передаваема столь простыми средствами».

Как-то раз Модест Петрович увидел толпу крестьян, шагавших по снежному сугробам. Шедшие впереди мужчины проваливались в снег и вновь оттуда выкарабкивались. «Это, — рассказывал композитор, — было вместе и красиво, и живописно, и серьезно, и забавно. И вдруг, — продолжал он, — вдаль показалась толпа молодых баб, шедших с песнями, с хохотом по ровной тропинке. У меня мелькнула в голове эта картина в музыкальной форме, и, само собою, неожиданно сложилась первая «шагающая вверх и вниз» мело-

дия...; веселые смеющиеся бабенки представились мне в виде мелодии, из которой я потом сделал среднюю часть, или трио...».

Композитор страстно мечтал создать в своей музыке обобщенный образ русского народа. Он писал: «Я разумею народ как великую личность, одушевленную единой идеей. Это моя задача. Я попытался разрешить ее в опере». И в народной музыкальной драме «Борис Годунов», над которой он начал работать в конце 60-х годов, Мусоргский достиг своей цели.

В другой народной музыкальной драме «Хованщина» композитор показал исторически прогрессивные образы новой, петровской Руси, обреченность сил, противодействующих начинаниям Петра. Обращаясь к историческому прошлому, Мусоргский выносит суровый приговор современному ему общественному строю: реформам, насаждаемым «сверху», усиливающим закабаление народа. Слишком свежо было в его памяти так называемое «освобождение» крестьян в 1861 году, приведшее к разорению деревни.

В этой связи примечательно письмо композитора, написанное в 1872 году, когда началась работа над оперой: «...Ковырнуть чернозем можно орудием состава ему постороннего. И ковырнули же в конце XVII-го Русь-матушку так и м орудием, что и не распознала сразу, чем ковыряют... Сказали невежущий и смелых: сила! а приказная изба все живет и сыск тот же, что и за приказом, только время не то: действительно и тайно статские мешают чернозему дышать. Прошедшее в настоящем — вот моя задача. «Ушли вперед! — врешь, там же!» Бумага, книга ушли — мы там же. Пока народ не может поверить во очию, что из него стряпают, пока не захочет сам, чтобы то или то с ним состряпалось — там же! Всякие благодетели горазды прославиться, документами закрепить пре-прославление, а народ стонет, а чтобы не стонать, лих упивается и пуце стонет: там же!».

В самых тяжелых условиях Мусоргский сумел сохранить в душе огонь «борца за правое дело в искусстве». И он нашел силы создать произведение, проникнутое жизнеутверждающим мироощущением, светом и улыбкой, юмором и задушевной поэзией, — оперу «Сорочинская ярмарка» по повести Гоголя.

По его собственным словам, Мусоргский и в годы реакции шел «бесстрашно, сквозь бурю, мели и подводные камни, сквозь болотные потемки чиновного чернилица... к настоящему искусству, любящему человека, живущему его отрадой, его горем и страдой». В 1880 году он писал Стасову: «Девиз мой, известный Вам: «держай! вперед, к новым берегам!» остался неизменным. Если судьба даст возможность расширить проторенную дорожку к жизненным целям искусства, возрадуюсь и ликовать буду...».

Он мечтал написать оперу «Пугачевщина», которая вместе с двумя предшествующими народными музыкальными драмами составила бы трилогию. Однако мечтам и планам не суждено было сбыться. Композитор умер в 1881 году, в петербургском военном госпитале, куда его поместили из милости, под видом денщика...

Сегодня произведения Мусоргского не сходят со сцен лучших оперных театров мира. 1989 год объявлен ЮНЕСКО годом Модеста Петровича Мусоргского.

Э. НАЛБАНДЯН,
кандидат искусствоведения.

На родине М. Мусоргского в Наумове Псковской области. Дом-музей.

Уголок большой гостиной.
Рисунки А. Михайлова.

